

Терроризм как радикальная реакция на глобальный кризис идентичности

В. А. Емелин

Тревожащим фактом развития современного терроризма является несоответствие между колоссальными усилиями, направленными международным сообществом на борьбу с ним, и значительным ростом радикальных движений, имеющих фундаменталистские корни. Такие движения развиваются не только и не столько в традиционных «очагах» Ислама – их почвой становятся и страны западного мира. Напрашивается вывод, что в демократической Европе произошли значительные мировоззренческие трансформации, которые позволили терроризму стать болезненным очагом благополучного западного мира, сделав эту проблему одной из самых значимых и обсуждаемых не только в обыденной жизни, но и в научных кругах [1, 3, 4, 7].

В качестве причин, инициирующих террористическую деятельность, часто называют конфессиональные, национально-этнические, политические, экономические, исторические проблемы. В связи с развитием исламского фундаментализма, повлекшим за собой распространение тождественной связки «исламист – террорист», базовые истоки терроризма часто на-

ходят в религиозных противоречиях. Но такая схема работает не во всех случаях, пример тому – движение за независимость баскских радикальных сил, причины которого никак не связаны с религиозными различиями. Другим примером является Корсика, которая, более чем двести лет находясь в составе Франции, с неизменным постоянством порождает сепаратистские настроения некоторой части ее населения.

Можно предположить, что терроризм или схожие с ним радикальные движения порождаются неудовлетворенностью уровнем экономического развития. Но рассматривать в качестве универсальной причины экономический фактор будет неправомерно – между католиками и протестантами Северной Ирландии нет особых различий в уровне жизни. Равно как и то, что, несмотря на конфессиональные особенности, и те, и другие являются христианами. Нет существенной разницы и в уровне жизни бельгийских валлонов и фламандцев, и ни один из вышеперечисленных факторов не сможет в полной мере объяснить всплеск фламандского сепаратизма в благополучной столице Евросоюза.

Емелин Вадим Анатольевич
кандидат философских наук,
доцент факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Очевидно, что отдельно взятая национальная принадлежность также не может рассматриваться в качестве основной силы, толкающей людей на непримиримую борьбу за свои идеалы. Противоборствующие боснийские мусульмане и православные сербы относятся к одному этносу, что не остановило их кровавое противостояние в 90-х годах XX века. В свою очередь, один из очагов терроризма — Северный Кавказ — «русские Балканы», наоборот, представляет собой совокупность множества разнообразных национальностей и народностей, которые зачастую имеют различные вероисповедания.

Именно в «коктейле» междоусобных распрей, межрелигиозных противоречий (наряду с экономической несбалансированностью) часто усматривают благодатную почву для культивирования и экспансии терроризма. Если взглянуть на проблему шире, то можно выделить радикальные движения, сходные по своим методам с террористическими, идеологическая основа борьбы которых никаким образом не связана ни с экономическими, ни с национальными, ни с конфессиональными причинами. Свидетельство тому — «Красные бригады», участников которых вне зависимости от собственного материального положения, национальной принадлежности или особенностей вероисповедания не устраивал социальный порядок западного буржуазного мира.

Экстремизм — многоликий феномен, который имеет целый спектр разнообразных причин. Но, при всем разнообразии его проявлений, в нем можно проследить один существенный психологический момент — нехватку социальной и личностной идентичности в том или ином виде. Именно здесь намечается возможный подход, который может соединить достаточно широкий спектр интерпретаций и стать методологической основой для выявления психологических истоков и движущих сил как экстремистских движений, так и терроризма. Можно методично разбирать причины возникновения и развития тех или иных конфликтных ситуаций, порождающих в предельной стадии своего развития фантом терроризма, но, независимо от особенностей конкретной ситуации, мы придем к выводу,

что только страхом утраты идентичности или жадной ее обретения можно объяснить самые радикальные и патологические воплощения социокультурных антагонизмов.

Проблема идентичности индивида, осознания его принадлежности к той или иной социальной общности и одновременного обретения им «самости» является одной из наиболее

он сталкивается с неизбежными проблемами «чужака» в мире с другим языком, иными моделями поведения, с определенным отношением коренных жителей к нему и другими формами культурного диссонанса. В процессе поиска своего места в новых условиях мигрант сталкивается с рядом серьезных проблем, которые зачастую становятся непреодолимыми.

Экстремизм — многоликий феномен, который имеет целый спектр разнообразных причин. Но при всем разнообразии его проявлений, в нем можно проследить один существенный психологический момент — нехватку социальной и личностной идентичности.

острых тем современности. Именно в нарушении идентичности и в последующем ее обретении (в самых немислимых и неприемлемых для доминирующей культуры формах) можно усмотреть глубинные причины эпидемии экстремизма и терроризма. Психологически необоснованное определение механизмов зарождения терроризма, недооценка его индивидуальности-психологических и культурно-исторических корней, а также тотальный вакуум идентичности в современной культуре западного образца являются объективными препятствиями в понимании субъективной привлекательности терроризма. Цель антитеррористической деятельности, направленной на дискредитацию образа терроризма как привлекательной идеологии, не может быть достигнута без «выбивания почвы из под ног» у этого мировоззренчески целостного и исторически обоснованного (с точки зрения его сторонников) и патологического, криминального (в глазах противников) явления. Наш мир оказался расколот: свершившийся разрыв и всевозможные ситуационные импликации не сулят нам простых вариантов спасения.

В качестве примера ситуации, предельно обостряющей парадокс потери и обретения идентичности, рассмотрим условия, в которые попадет мигрант, решивший покинуть историческую родину ради более благополучной жизни. Оказавшись в новых условиях,

Во-первых, несмотря на декларируемое равенство возможностей, существует система скрытых ограничений, которая не позволяет ему конкурировать с коренными жителями. Как показывает практика, лишь незначительному проценту прибывших на постоянное место жительства удается достичь более или менее значимого социального статуса. Но не только объективные причины становятся преградой на пути интеграции. Залог успешного развития индивида в новых условиях зависит от его собственных личных усилий, направленных на изучение языка, истории, традиций давшей ему приют культуры. Зачастую именно субъективные мотивы, связанные с низкой заинтересованностью в получении знаний, нежеланием тратить свое свободное время на образование, становятся основными причинами маргинализации мигрантов.

Следующий фактор, тормозящий их социализацию, объективно не может быть воспринят в качестве «препятствия», так как речь идет о социальной защите, которой окружает мигрантов либеральное общество западного мира. Получаемые социальные пособия вполне устраивают своих адресатов, поскольку гарантируют им достойные условия жизни, которые не идут ни в какое сравнение с положением земляков, оставшихся на исторической родине. Бедность по меркам культур западного типа не сопоставима с мерками азиатскими, и

стремление жить на пособия вытесняет у мигрантов другие, более трудоемкие варианты самореализации.

Возникает непростая ситуация, где в «гордиев узел» сплетаются проблемы внешнего отторжения и внутренней отчужденности, которые, в конечном итоге, приводят к возникновению основы для формирования «инкапсулированной» идентичности. Не освоившая и нежелающая воспринимать новые ценности мигрантская среда вытесняет себя в гетто, которые становятся базой для развития фундаменталистских настроений.

Фундаментализм оказывается действенной идеей для обретения утраченной идентичности. Объективные и субъективные трудности вхождения в новый социум сходят на нет, когда окружающий мир не выходит за границы анклава, района, улицы. В искусственно замкнутом пространстве, где все подобно друг другу, намного проще обрести собственную идентичность путем возвращения к образу жизни, основанному на национальных и религиозных доминантах, к той реальности, от которой, казалось бы, мигранты хотели убежать. Практика показывает, что геттизация мигрантов оборачивается самыми негативными последствиями.

Зачастую именно субъективные мотивы, связанные с низкой заинтересованностью в получении знаний, нежеланием тратить свое свободное время на образование, становятся основными причинами маргинализации мигрантов.

Во Франции (в предместье Лиона), в Великобритании (в Бирмингеме) и в Восточном Берлине уже образовались крупные общины, где иммигранты оказались под властью религиозных лидеров, щедро субсидируемых своими собратьями с Ближнего Востока. Последствием этого стала активизация исламистских настроений в замкнутой среде и взращивание радикалов, готовых принять прямое или косвенное участие в террористических акциях. Так, вытеснение мигрантов в анклавы, в попытке оградить свой привычный мир от неосторожно приобретенных соседей на деле оборачивается

культивированием агрессии, кумулятивно направленной на тех, кто старался ее избежать всеми доступными средствами.

Данная ситуация выстраивается в довольно простую дилемму альтернатив идентификации – обретение идентичности путем интеграции или обретение ее путем сегрегации. Интеграция – процесс непростой, требующей значительных усилий, обратная сторона которых неизбежно влечет потерю традиционной идентичности в процессе ассимиляции в чуждом мире.

Другая возможность – воспользоваться благами и технологиями европейцев, обрести новую форму самоидентичности, сделав это, в лучшем случае, посредством тотального неприятия сложившегося образа жизни в стране пребывания, в худшем – путем террористической деятельности. В качестве примера можно говорить о ситуации во Франции, где столкнулись с последствиями закона 1974 года о воссоединении семей. Рабочие-эмигранты из стран Магриба получили право привозить своих жен, детей и родителей. Французское население коренным образом изменилось. Вдруг выяснилось, что француз – это не происхождение, не религия и даже не цвет кожи, это просто человек с французс-

кается от всего остального человечества? Возникает серьезная угроза обратной реакции коренного населения на демонстративное утверждение чуждого образа жизни приезжих мусульман – национализма, который в своем развитии может стать благотворной почвой для реанимации нацизма. Исламисты более всего опасаются тотального уничтожения Западом всех их традиционных представлений о жизни. Отсюда и возникает идея неприимности и террора, которая, опираясь на идею джихада, находит себе множество сторонников среди мусульман-европейцев.

Таким образом, сегрегация оказывается более привлекательным методом обеспечения целостности своего «я» и на это есть веские психологические причины. Самый простой механизм самоидентификации связан с противопоставлением и противостоянием. Для того, чтобы понять кто «я», нужно указать на того, кто «не-я». Парадоксально, но в роли «не-я» оказывается все, что относится к новой среде обитания, то, что, по идее, должно стать новым домом для мигранта.

В связи с этим следует рассмотреть культурно-исторический аспект проблемы. Известно, что Ислам является самой молодой и внятной для его последователей религией, дающей четкие представления о месте человека в мире и предлагающий простые модели поведения. Человек получает ответ на вопросы: кто он в этом мире, какова цель и смысл жизни? Ислам развивался параллельно с обретением арабами своей национальной идентичности, ассимилируя другие народы под зеленым знаменем джихада. За короткий исторический период было создано одно из самых могущественных государств своего времени – Арабский Халифат, который сплотил людей на пространстве от Испании до Средней Азии и границ Индии. Это был период триумфального шествия Ислама, утверждения его как исключительного образа мысли и действия.

Ситуация в современной Европе, казалось бы, диаметрально противоположна. В технологическом развитии мусульманские народы сильно отстали от развитых стран северного полушария, оказавшись в ситуации потребителей продукции высокотехнологичного Запада. Ограничения на доступ к современным технологиям

ким паспортом. Но выходец из исламских стран считает себя, прежде всего, мусульманином, а уж только потом – французом, а точнее – жителем чужой для него страны, где он хочет обустроить комфортную для себя среду обитания, не считаясь ни с кем и ни с чем.

В этой ситуации уже не арабским эмигрантам и их потомкам приходится определять свою идентичность в новом мире – сами французы оказались в положении утраты идентичности. Французское правительство уже инициирует философские дебаты, пытаясь найти ответ на вопросы: кто мы есть? Куда мы идем, и чем француз от-

пока не дают возможности радикалам исламского мира вести открытую войну с «неверными». Но, не имея таких возможностей, мусульманский Восток в полной мере реализует преимущества, которое дает им западный либеральный плюрализм. Уроженцы исламских стран фактически подрывают Европу изнутри — путем создания анклавов своей культуры в наиболее привлекательных для проживания городах. Именно такие анклавы на сегодняшний день и становятся основной средой, порождающей террористов.

Все это происходит на фоне исторической памяти о былом могуществе исламских стран, о достигнутых культурных высотах. Во времена раннего средневековья мусульманские Халифаты были очагами культуры, искусства и знаний. Это дает весомые основания для появления идей реванша, восстановления утраченной исторической справедливости и культивирования этно-культурных стереотипов.

Как парадоксально ни звучало бы это утверждение, но возможность реванша исламскому величию предоставила сама западная цивилизация, снабдив мусульманский мир финансовыми ресурсами, современным оружием и новейшими технологиями. Ориентированное на постоянный рост производства, развитое индустриальное общество требует все больше энергетических ресурсов, которые с избытком имеются в странах Ближнего Востока. Нефть дала исламским странам невиданные деньги. Это произошло в то время, когда традиционные и консервативные мусульманские страны в семидесятые годы прошлого века фактически были обречены на культурную изоляцию. Такая ситуация сложилась в центральноафриканских государствах, которые были фактически вытеснены на периферию мировых проблем, а следовательно, оказались на территории «исчезнувшего континента» с его нищетой, болезнями, непрекращающейся войной всех против всех.

Исламские государства района Персидского залива избежали участи Африки, неожиданно став энергетическими донорами западного мира и, как показало время, одновременно донорами сил, стремящихся к торжеству исламского фундаментализма на Западе. Так, две стороны медали — вера и богатство — неожиданно создали сильный тип идентичности Арабских

Эмиратов, которые стремительно превратились в оазис реализации технологических новаций для не способного воплотить их на своей территории Запада. Недаром арабский исполин Бурдж Дубай остается самым высоким небоскребом мира, а среди заказчиков самых крупных современных лайнеров Айрбас-380 лидирует авиакомпания «Эмирейтс».

Но не стоит искать истоки распространения терроризма только в попытках фиксации фундаментальности. Немаловажной причиной популярности радикальных идей в Западном мире является глобальный кризис идентичности в условиях информационного общества и постмодернистской культуры.

Вытеснение мигрантов в анклав в попытке оградить свой привычный мир от неосторожно приобретенных соседей на деле оборачивается культивированием агрессии, кумулятивно направленной на тех, кто старался ее избежать всеми доступными средствами.

В основе распространившегося сегодня постмодернистского мировоззрения лежит недоверие к любым универсальным идеям, децентрация и утверждение принципа плюрализма, допускающего одновременное сосуществование разнообразных точек зрения. Постмодернизм возник как реакция на утрату доверия к идеологическим системам XX века, инициировавших небывалые по своим масштабам, разрушениям и жертвам мировые войны. Среди его истоков и разочарование в «великих исторических проектах» переустройства общества. Плюрализм, с одной стороны, дает возможность выбора, а с другой — способствует утрате устойчивых моральных ориентиров, размыванию моральных нормативов, потере общепризнанных моделей поведения.

Налицо амбивалентная ситуация. Мы имеем плюралистичный, толерантный и гедонистично ориентированный высокотехнологичный постмодернизм. И в тоже время, на том же самом пространстве существует абсолютистский, нетерпимый и активно осваивающий технологии западного

мира терроризм. Таким образом, терроризм и постмодернизм неожиданно оказываются взаимосвязанными путем взаимопроникновения противоположностей в русле гегелевской диалектики. Возведение плюрализма в статус всеобщей идеи становится действенным механизмом оправдания существования деструктивных идеологий и патологических форм идентичности. Налицо столкновение двух моделей идентификации. Одна из них связывает свое будущее с реализацией принципа свободы от диктата общезначимых ценностей, другая предполагает обретение свободы в полном признании единственно значимой истины. И та, и другая таят в себе экзистенциальные противоречия, но ре-

зультатом столкновения этих взаимоисключающих парадигм оказывается главная и глобальная патология современного мира — терроризм.

Порядок постмодернистской Европы на деле оказывается пустым понятием, задача которого — сохранить предельное (а значит, неопределимое) понятие «свобода». Представление о ней связано с богатством интерпретаций, что приводит к невозможности ее реализации. В противоположность этому террорист обретает себя в максимальной полноте веры. У него нет необходимости в рефлексии о метафизике свободы и ответственности. Мысли об этих мучающих европейцев экзистенциальных вопросах уничтожают саму идею о возможности обретения идентичности.

В противоположность плюралистическому мировоззрению, размывающему целостность человека, терроризм оказывается достаточно эффективной компенсаторной формой обретения идентичности. Террористическая деятельность может дать индивиду реальный, а в некоторых случаях, например, в акте самопожертвования,

ния, и предельный смысл жизни. Индивид, ставший на путь террора, отбрасывает сомнения и неоспоримо занимает достойное место в своем окружении, обретает чувство принадлежности к общему делу. Более того, терроризм питается идеей избранности, его воины выступают в качестве «героев», которые отказываются влиться в матрицу господствующей западной идентичности, чтобы не быть в ней потерянными. Такие личности воспринимаются как избранники и им, равно как их семьям, гарантирован почет и уважение после гибели. Террористическая деятельность обеспечивает чувство безнаказанности для ее участников, т. к. законы мира, который необходимо уничтожить, — не что иное, как фикция, пустые условности. И, наконец, терроризм оказывается реальным способом выхода за пределы обыденности, возможностью прожить пусть не долгую, но яркую жизнь [4, 5].

Сегодня вопрос о терроризме стал одним из самых обсуждаемых в научных кругах демократической Европы. Очевидно, что с ним надо бороться, мобилизуя все силы и провозглашая новые «крестовые походы». Но любой радикализм входит в противоречие с плюралистичным мировоззрением европейцев. Терроризм оказался наиболее ужасным воплощением гиперреальности современного мира. В трактовке множества журналистов, ученых и других «борцов» за безопасность это растражированное понятие зачастую обращается в симулякр¹, подобный глобальному потеплению и виртуальной реальности. Утрата идентичности культуры западного типа создает ситуацию, когда само мировоззрение европейцев не позволяет эффективно противостоять проявлениям фундаменталистской идеологии.

В русле кризиса идентичности западной культуры могут в другом свете звучать слова президента Ирана Махмуда Ахмадинежада по поводу культа моллюска — предсказателя матчей футбольного чемпионата. Иранский лидер во всеуслышание заявил, что осьминог Пауль стал воплощением всего неправильного на Западе, символом его разложения. По словам президента Ирана, те, кто всерьез верит в сверхъестественные способности ось-

миногов, не могут возглавлять государство и вести за собой человечество.

Можно по-разному относиться к данному заявлению, но эквивалентная, с точки зрения «правильной» веры, реакция на сиюминутную подмену Бога осьминогом свидетельствует не только о вакууме ценностей в постхристианском мире, но и об осознании данной пустоты в ищущем торжества своей истины мире мусульманском. О последнем можно сказать «по-прежнему» мусульманский, но никак не «постмусульманский».

Здесь возникает определенная аналогия с эллинистическим периодом, временем смещения и краха великих культур античности, сопровождающимся триумфом технологий (строительства, управления, коммуникаций, вооружения) на фоне потере духовных основ, некогда рожденных в полисной Греции. Бертран Рассел в разделе «Истории философии», посвященном эллинистическому мировоззрению, писал: «Казалось, что умами греков больше всего владела Вавилонская астрология» [3].

Какими «астрологиями» руководствуются современные почитатели Пауля — не суть важно для обсуждаемого вопроса. Очевиден тот факт, что культурная традиция западного образца в очередной раз оказалась в системном кризисе, подобном эллинистическому краху античной культуры. Тогда вера в Фатум была синкретически неотделима от веры в Фортуну. Но немного позже апостол Павел расставил все по своим местам. Может быть, не случайно здание Европарламента в Страсбурге слишком похоже на образ Вавилонской башни на картине Питера Брейгеля Старшего (сходство нереальностей заставляет задуматься).

Сегодня западный мир активно использует информационные технологии для борьбы с терроризмом. Вера в их эффективность сопровождается амнезией знания о том, что бедуины были снабжены автоматами Калашникова, а талибы финансово и технически поддерживались противоборствующими сторонами холодной войны. Технологически развившийся мир Запада поделился с Востоком Интернетом, оснастил его мобильной связью, научил строить самые высокие в мире

небоскребы, и все это в надежде на достижение технологического, а затем и идеологического консенсуса. Европейцы создали новую среду для достаточно и продолжительно идентичных народов, при этом не понимая, что любое привнесенное улучшение вторгается в целостность их бытия. Автомобили, автоматы, технологии «мирного» атома, ракеты «Стингер», компьютеры, сотовые телефоны, а затем и Интернет сделали то, чего либеральная Европа не могла и предположить.

Наделив последователей радикального фундаментализма правом жизни на своей территории и одновременно предоставив им доступ к чудным технологиям на их исконных землях, европейская демократия сформировала среду, которая в комфортных условиях генерирует полностью идентичных, не имеющих никаких сомнений в своей правоте людей, способных ради сохранения своих случайно обретенных привилегий уничтожить их же вскорившее, бесконечно испытывающее кризис идентичности, постмодернистское общество. Там, где теряется смысл и утрачивается тождественность, освобождается место для других — тех, кто патологически стремится восполнить первое и обрести второе.

Список литературы:

1. Научные и методологические проблемы информационной безопасности: Сборник статей / Под ред. В.П. Шерстюка. — М., 2004.
2. Рассел Б. История западной философии. — Т. 1. — М., 1993.
3. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения. Научные проблемы безопасности и противодействия терроризму: Серия монографий / Под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка. — М., 2007.
4. Соснин В.А., Нестик Т.А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. — М., 2008.
5. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Мотивация террориста // Национальный психологический журнал. — 2007. — №1(2). — С. 27–32.
6. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Психологические технологии вовлечения в террористическую деятельность // Психология перед вызовом будущего: Материалы научной конференции, Москва, 23–24 ноября 2006. — М.: МГУ, 2006. — С. 468–472.
7. Hudson R.A. The Sociology and Psychology of Terrorism. Who Becomes a Terrorist and Why? University Press of the Pacific. — Honolulu, Hawaii, 2005.

¹ Симулякр (от лат. *simulo*, «делать вид, притворяться») — «копия», не имеющая оригинала в реальности.